

Байронический герой в поэмах Лермонтова и Рылеева: Войнаровский и Измаил-бей

Т. А. Ложкова
Екатеринбург, Россия

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о специфике модификации образа байронического героя, представленной в поэмах Рылеева и Лермонтова.

Ключевые слова: Рылеев, Лермонтов, байронический герой, поэма.

T. A. LOZHKOVA. *Byronic hero in the poems by Lermontov and Ryleyev: Voynarovskiy and Ismail bey*

Abstract. The article examines the issue of modification of Byronic hero image provided in the poems by Ryleyev and Lermontov.

Keywords: Ryleyev, Lermontov, Byronic hero, poem.

Как известно, важнейшей характеристикой байронического героя является его отчуждение от окружающего мира. Ю. В. Манн отмечает, что в русской поэзной традиции отчуждение получает специфическое содержание: «Как правило, позиция персонажа асоциальна, противопоставляет господствующей государственной власти или же национальному объединению» [Манн 2007: 131]. В качестве примера исследователь, в частности, называет поэму Рылеева «Войнаровский». Попробуем углубить представление о специфике того варианта отчуждения, который представлен в рылеевской поэме.

Прежде всего, обратим внимание на оригинальность использования Рылеевым характерного для байронической поэмы мотива загадочности, таинственности главного героя, о художественном смысле которого подробно говорит В. М. Жирмунский: «Байрон пользуется этим приемом недоговоренности для повышения лирической действенности рассказа; при неопределенности фактических подробностей, при постоянных умолчаниях о существенном облегчается лирическое вчувствование в те отрывочные намеки, которые сообщает поэт» [Жирмунский 1968: 59]. Однако у Байрона существенные моменты сюжета так и остаются загадкой до конца: «Поэт признается, что сам об этом ничего не знает и сообщает слухи, которые, может быть, объясняют происшествие: рассказы нубийских рабов, охранявших гарем Гассана („Гяур“), слова поселянина, который был свидетелем ночного убийства („Лара“). В других случаях он покидает своего героя, когда сюжет исчерпан, позволяя читателю самому догадываться о его дальнейшей судьбе: куда исчез корсар после смерти Медоры или что случилось с Гяуром после его исповеди монаху?» [Там же].

В поэме Рылеева окружающий Войнаровского ореол таинственности быстро рассеивается, благодаря его исповеди перед Миллером, и в финале никаких загадок не остается ни для читателя, ни, тем более, для автора. Но вместе с читателем и автором,

за героем наблюдает еще один воспринимающий субъект, для которого тайна сохраняется до конца. О ком мы говорим?

Вчитаемся внимательней в следующее описание:

...пошел по косогору;
Едва приметною тропой
Поворотил к сырому бору
И вот исчез в глуши лесной.
Кто ссыльный сей, никто не знает;
Давно в страну изгнания он,
Молва народная вещает,
В кибитке крытой привезен.
Улыбки не видать приветной
На незнакомце никогда,
И поседели уж приметно
Его и ус и борода.
Он не варнак; смотри: не видно
Печати роковой на нем,
Для человечества постыдной,
В чело клейменной палачом (192)¹.

Обращает на себя внимание непосредственность и конкретность восприятия: любопытный взгляд цепко схватывает все мелочи. Важен характер деталей: о незаметной тропке, ведущей на косогор, повороте к бору говорится как о чем-то хорошо известном, привычном, поэтому отсутствует подробное описание особенностей ландшафта, давно примелькавшихся и не привлекающих особого внимания. Внешность персонажа описывается так, как будто тот, кто его видит в данный момент, уже неоднократно наблюдал за ним на протяжении долгого времени: «Улыбки не видать приметной на незнакомце *никогда*, и *поседели уж приметно* его усы и борода» (курсив наш — Т. Л.). Значит, тот, кто описывает героя, видел его еще не поседевшим? Видел, как его привезли в кибитке, причем «давно»? В описании используется слово «варнак» мимоходом, вскользь, как привычное и понятное для того, кто его произносит, но это слово требует разъяснения для читателя, что и делает автор в специальном примечании после завершения основного текста поэмы: «*Варнак* — преступник, публично наказанный и клейменный» (219). Кому адресовано обращение «смотри», придающее всему повествованию в данном отрывке характер диалога? Кто имеется в виду, когда сообщается, что таинственного ссыльного «никто не знает»?

Повествование в поэме ведет безличный автор. Но перечисленные особенности, создают впечатление, что и он, и читатель мельком услышали несколько реплик, принадлежащих местным жителям,

любопытствующим аборигенам Якутска, обсуждающим между собой таинственного ссыльного. Вот для них он остается загадкой до конца поэмы.

Так мы выходим на оппозицию «Войнаровский и другие», имеющую, на наш взгляд, существенное значение для понимания рылеевского замысла.

Для Войнаровского Якутск — пустыня:

Я схвачен был толпой врагов —
И в вечной ссылке очутился
Среди пустынных сих лесов (213).

Он чуждается аборигенов. По-видимому, имея какое-то пристанище в самом Якутске, он предпочитает уединенную жизнь на заимке в таежной глухомани, куда никто не знает дороги, кроме него. Такая позиция понятна: Войнаровский видит себя живущим в «царстве ночи» (206) и сознательно чуждается любых контактов с врагами, в числе которых автоматически оказываются и местные жители:

Я не могу снести их вида:
Их жалость о судьбе моей
Мне нестерпимая обида (198–199).

Однако место ссылки Войнаровского — отнюдь не безлюдная пустыня:

Однообразно дни ведет
Якутска житель одичалый;
Лишь раз иль дважды в круглый год,
С толпой преступников усталой,
Дружина воинов придет;
Иль за якутскими мехами,
Из ближних и далеких стран,
Приходит с русскими купцами
В забытый город караван.
На миг в то время оживится
Якутск унылый и глухой;
Все зашумит, засуетится,
Народы разные толпой:
Якут и юкагир пустынный,
Неся богатый свой ясак,
Лесной тунгуз и с пикой длинной
Сибирский строевой козак (192).

Глухая сибирская сторона населена множеством самого разного люда: ссыльные, купцы, строевые казаки, представители местных народностей. Войнаровский сознательно отгораживается от них, не допуская даже возможности любых контактов.

Между тем, в поэме представлен другой вариант поведения человека, оказавшегося, пусть и не в такой жестокой, но в чем-то аналогичной ситуации. Мы говорим о персонаже, который, на наш взгляд, до сих пор не привлек должного внимания, а именно о Миллере. Традиционно о нем упоминают мельком

¹ Цит по: [Рылеев 1971] с указанием страницы.

и лишь как о confidente Войнаровского, то есть персонаже чисто служебном. Мы полагаем, что роль Миллера в сюжете поэмы более значительна, и без ее уяснения замысел Рылеева остается не понятным до конца.

Между Миллером и Войнаровским есть существенная внутренняя связь, обусловленная определенным сходством их самоощущения. В поэме вскользь упоминается о каких-то сложностях в отношениях Миллера с окружающей действительностью, он «с судьбой боролся своенравной» (195). Не случайно с такой жадностью внимает он исповеди Войнаровского, который, почувствовав родственную душу, не просто впервые допускает контакт с другим сознанием, но открывает собеседнику самые сокровенные свои сомнения и переживания. Ситуация Миллера чем-то тоже близка типичному положению байронического героя, как правило, добровольно разрывающего свои отношения с миром цивилизации и перемещающегося в экзотический для европейца мир (Восток, Кавказ и т. п.). Но байронизм здесь смягчен дополнительной мотивировкой: Миллер — ученый, он «В сей край пустынный завлечен / К познаниям страстию высокой» (195). Отсюда иная психологическая установка, нежели у Войнаровского — Миллер с огромным интересом воспринимает новый мир:

Здесь наблюдал природу он.
В часы суровой непогоды
Любил рассказы стариков
Про Ермака и козаков,
Про их отважные походы
По царству хлада и снегов (195).

Ему оказываются открыты такие стороны бытия окружающего социума, которые абсолютно закрыты для Войнаровского: героическое прошлое казаков, осваивавших Сибирь под предводительством Ермака. Заметим — это тоже казаки, как и Войнаровский. Ассоциативный ряд выстраивается вполне определенно: Ермак, оппозиционно настроенный по отношению к официальной власти, выбирает иной путь самореализации, нежели Войнаровский или Мазепа. Возникает странная ситуация — Войнаровский отталкивает от себя людей, в чем-то ему близких и способных его понять: общее героическое казацкое прошлое могло бы стать для этого прочной основой.

Таким образом, в лице Миллера и Войнаровского Рылеев сталкивает в одном художественном пространстве два возможных варианта романтического противостояния личности миру. Мы полагаем, что автор поэмы отнюдь не склонен абсолютизировать один из них. Скорее он сопоставляет их и размыш-

ляет о последствиях выбора, сделанного каждым из героев.

Сравнивая поэмы русских авторов с байроновскими, Ю. В. Манн заметил, что ситуация отчуждения главного героя в них получает оригинальное решение. Если у Байрона некий поведенческий акт героя (уход в корсары, во враждебную армию т. д.) лишь венчает процесс отчуждения, который, раз начавшись, прогрессирует с нарастающей силой, то в русских поэмах дело обстоит сложнее. Так, разлад Войнаровского с окружающей средой начинается только с того момента, когда он принимает решение об участии в заговоре Мазепы. До этого его жизнь протекает в полном согласии с окружающими «Среди родной моей земли, / На лоне счастья и свободы». Отчуждение оказывается связанным с отпадением от центральной власти, что неминуемо приводит к столкновению с соотечественниками, эту власть поддерживавшими. В финальной фазе жизненного пути отчуждение достигает наивысшей степени, оказывается связанным с прогрессирующим отъединением от людей [Манн 2007: 135–136]. Ситуация усугубляется благодаря рефлексии героя: он с внутренней мукой вспоминает последние дни жизни Мазепы, омраченные известиями с далекой родины, которые были получены от двух пленных:

«Я из Батурина недавно, —
Один из пленных отвечал, —
Народ Петра благословляя
И, радуясь победе славной,
На стогнах шумно пировал.
Тебя ж, Мазепа, как Иуду,
Клянут украинцы повсюду;
Дворец твой, взятый на копье,
Был предан нам на расхищенье,
И имя славное твое
Теперь — и брань и поношенье!» (209).

Войнаровский отталкивает от себя горькие мысли, он неоднократно повторяет Миллеру, что главная причина поражения восстания Мазепы — неблагоприятность судьбы («Рок за мной / С неотразимою бедой, / Как дух враждующий, стремился...» и т. п.). Тема Рока становится своеобразным лейтмотивом его исповеди, и уже в этом мы видим глубокий смысл: словно закливание звучат фразы о Роке, как будто с их помощью герой выстраивает вокруг себя барьер, не позволяющий проникнуть в его сознание трагической мысли об ошибочности сделанного выбора. Однако, рассказ о муках, которые переживает Мазепа, вынужденный успокаивать себя малоубедительными утверждениями («И Петр, и я — мы оба правы...»), говорит о том, что в глубине подсознания Войнаровский прозревает

истину. Окончательную точку ставит финал героя, утратившего абсолютно все связи с миром (смерть жены в этом смысле имеет, на наш взгляд, принципиальное значение). Характерно, что герой умирает в момент, когда получает разрешение вернуться в отчизну: формально воссоединение возможно, но возможно ли обрести утраченное единство с родными по крови, но далекими по духу соплеменниками? Смерть милосердно избавляет Войнаровского от испытания, которое вряд ли ему под силу. Однако в русской литературе есть герой, рискнувший пройти его — лермонтовский Измаил-бей.

Сразу оговоримся, что внутренний мир лермонтовского героя, безусловно, более глубок, нежели у Войнаровского. Мы в рамках данной публикации сосредоточим внимание лишь на одном аспекте переживаемой им психологической драмы. Ситуация, в которой оказывается Измаил-бей к началу событий, составляющих фабульную основу сюжета поэмы, несомненно, близка положению Войнаровского: будучи насильственно оторван от родной почвы, он так и не стал своим в мире чуждой ему культуры:

Отвергнул он обряд чужбины,
Не сбрил бородки и усов,
И блещет белый ряд зубов,
Как брызги пены у берегов;
Он, сколько мог, привычек, правил
Своей отчизны не оставил... (161)².

Несмотря на приобретенный внешний столичный лоск, образованность, безупречную службу в профессиональной армии, герой остается чужим для русских:

«Ты знаешь, верно, что служил
В российском войске Измаил;
Но, образованный, меж нами
Родными бредил он полями,
И всё черкес в нем виден был...» (193).

Природное начало может спонтанно проявиться в поведении героя в минуту аффекта:

Увы! свершилось наказанье...
В крови, без чувства, без дыханья,
Лежит насмешливый казак.
Черкес глядит на лик холодный,
В нем пробудился дух природный —
Он пощадить не мог никак,
Он удержать не мог удара (162–163).

Измаил-бею в высшей степени присуще не угасшее со временем чувство родства даже не столько с соплеменниками, сколько с природой родного края, некоторая стихийность ощущений:

Но вот его, подобно туче,
Встречает крайняя гора;
Пестрей восточного ковра
Холмы кругом, всё выше, круче;
Покрытый пеной до ушей,
Здесь начал конь дышать вольней.
И детских лет воспоминанья
Перед черкесом пронеслись,
В груди проснулись желанья,
Во взорах слезы родились.
Погасла ненависть на время,
И дум неотразимых бремя
От сердца, мнилось, отлегло;
Он поднял светлое чело,
Смотрел и внутренно гордился,
Что он черкес, что здесь родился! (165).

Как и Войнаровский, Измаил-бей мечтает освободить родную землю от угнетателя. В отличие от рылеевского героя, он дерзает совершить знаменательный поступок — возвращается в родные горы. Однако желаемое единение с соплеменниками оказывается проблематичным. Первое предвестие грядущей драмы обнаруживается уже в ночь, проведенную Измаилом в гостеприимной сакле отца Зары. Старик явно не понимает своего молодого собеседника, инстинктивно чувствует в нем что-то чуждое:

Они заводят речь — о воле,
О прежних днях, о бранном поле;
Кипит, кипит беседа их,
И носятся в мечтах живых
Они к грядущему, к былому;
Проходит неприметно час —
Они сидят! и в первый раз,
Внимая странника рассказ,
Старик дивится молодому (168).

Несвойственную горцам внутреннюю сдержанность проявляет герой и в отношениях с Зарой:

...Кто рано брошен был судьбою
Меж образованных людей
И, как они, с своей рукою
Не отдавал души своей,
Тот пылкой женщины пристрастье
Не почитает уж за счастье,
Тот с сердцем диким и простым
И с чувством некогда святым
Шутить боится. Он улыбкой
Слезу старается встречать,
Улыбке хладно отвечать... (172).

Открыто и однозначно внутреннее размежевание Измаил-бея с соплеменниками проявляется в отношениях с Росламбеком. Горцы не считают для себя

² Цит. по: [Лермонтов 1955] с указанием страницы.

неприемлемым вступить с противником в договорные отношения, а затем нанести удар исподтишка, который они не считают предательским. Измаил принес из далекой чужбины иное представление о допустимых и недопустимых способах ведения войны с врагом и открыто заявляет о своем неприятии коварной тактики горцев:

Согласны все на подвиг ратный,
Но не согласен Измаил.
Взмахнул он шашкою булатной
И шумно с места он вскочил;
Окинул вмиг летучим взглядом
Он узденей, сидевших рядом,
И, опустивши свой булат,
Так отвечает брату брат:
«Я не разбойник погаенный;
Я видеть, видеть кровь люблю;
Хочу, чтоб мною пораженный
Знал руку грозную мою!
Как ты, я русских ненавижу,
И даже более, чем ты;
Но под покровом темноты
Я чести князя не унижу!
Иную месть родной стране,
Иную славу надо мне!...» (185).

В этих словах лермонтовского героя слышен голос не горского князя-предводителя племенного военного союза, но голос князя, уже осознавшего себя российским аристократом, глубоко усвоившего кодекс чести, приятый в среде, которую он до сего дня считал глубоко чуждой и враждебной. Так исподволь выявляется внутренняя противоречивость позиции Измаил-бея: испытывая чувство глубокой и искренней ненависти к врагам своей родины, он не смог избежать влияния той среды, в которой был вынужден провести долгие годы. И в этом — коренное отличие Измаил-бея от Войнаровского. Рылеевский герой гордо отгородился от, казалось бы, внутренне близких ему сибиряков — носителей того же казачьего духа вольности, не признал их права не только на уважение, но даже на минимальный интерес к их жизни, быту, культуре и истории. Измаил-бей, скорее всего, незаметно для себя, невольно, но впитал элементы чужой культуры, воспринял ее реалии. Почувствовав отчуждение соплеменников, он даже объясняет его с помощью мотивировок, принятых не в горской, а в столичной, светской, «цивилизованной» среде:

Вот что ему родной готовил край?
Сбылись мечты! увидел он свой рай,
Где мир так юн, природа так богата,
Но люди, люди... что природа им?

Едва успел обнять изгнанник брата,
Уж клевета и зависть — всё над ним! (189)
(курсив наш — Т. Л.)

Жизнь Измаил-бея в родной стороне все больше и больше приобретает фантомный характер: кажимость не соответствует реальному положению дел, он совершенно не понимает побуждений окружающих его соплеменников:

Толпа черкесов удалых
Сидела вокруг огней своих;
Они любили Измаила,
С ним вместе слава иль могила,
Им всё равно! лишь только б с ним!
Но не могла б судьба одним
И нежным чувством меж собою
Сковать людей с умом простым
И с беспокойною душою:
Их всех обидел Рослаббек!
(Таков повсюду человек.) (199).

Итог — углубление драмы: Измаил-бей оказывается в конфликтных отношениях не только с миром «цивилизации», в котором он чувствует себя «черкесом», но и с миром соплеменников, где он оказывается слишком «европейцем», зараженным романтическим мироощущением:

...Но горе, горе, если он,
Храня людей суровых мненья,
Развратом, ядом просвещенья
В Европе душею заражен!
Старик для чувств и наслажденья,
Без седины между волос,
Зачем в страну, где всё так живо,
Так беспокойно, так игриво,
Он сердце мертвое принес?... (161).

Кульминация конфликта одновременно оказывается и его развязкой: Рослаббек наносит брату коварный удар. Именно в этот момент обнаруживается вся степень драматичности той внутренней ситуации, в которой оказался Измаил-бей:

Но почему их омрачился взгляд?
Чего они так явно ужаснулись?
Зачем, вскочив, так хладно отвернулись?
Зачем? — какой-то локон золотой
(Конечно, талисман земли чужой),
Под грубою одеждою измятый,
И белый крест на ленте полосатой
Блистали на груди у мертвеца!.. (224)

Наивные горцы по-своему объясняют реликвии, обнаруженные на груди убитого: талисман и крест — знак измены вере предков. Но читатель видит в этих драгоценных для героя предметах

иное. Золотой локон — знак того, что загадочная любовная история, послужившая поводом для смертельной схватки с русским офицером, не была для Измаила рядовым эпизодом в череде побед над женскими сердцами. Возможно, именно золотой локон — главная причина того, что чувство Зары осталось неразделенным. Еще более красноречива другая деталь. Судя по тому, что белый крест прикреплен именно к полосатой ленте, можно сделать вывод, что Измаил-бей заслужил в русской армии орден Святого Георгия, скорее всего, третьей степени: орден четвертой степеней крепили к колодке или петлице, ордена второй и первой степени носили не только вместе с шейной или нагрудной лентой, но и со звездой. Попутно заметим, что, согласно статуту, установленному в царствование Екатерины II, орден, имел совершенно исключительное значение в российской наградной системе (А. В. Суворов, удостоившийся награды трех степеней, ценил его выше звезды ордена Андрея Первозванного) и выдавался за особое мужество: «Ни высокая порода, ни полученные пред неприятелем раны, не дают право быть пожалованным сим орденом: но дается оный тем, кои не только должность свою исправляли во всем по присяге, чести и долгу своему, но сверх того отличили еще себя особливим каким мужественным поступком, или подали мудрые, и для Нашей воинской службы полезные советы... Сей орден никогда не снимать: ибо заслугами оный приобретается» [Дуров 1993: 37]³. Согласно статуту орденом награждались и офицеры-иноверцы, а с 1844 для них тактично были предусмотрены особые кресты с изображением не Святого Георгия (христианского святого), а герба Российской Империи — двуглавого орла.

³ См. также: Лозовский Е. Орден Святого Георгия // Орден и медали России. Электронный ресурс: URL <http://rusorden.ru/?nr=add&nt=2>; Орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия // Награды императорской России 1702–1917. Электронный ресурс: URL: <http://medalirus.ru/rus-ordena/orden-svyatogo-georgiya.php> и др.

ДАнные об авторе

Ложкова Татьяна Анатольевна — доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики ее преподавания Уральского государственного педагогического университета.
Адрес: 620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
Эл. почта: lozhkova@eka-net.ru

ABOUT THE AUTHOR

Tatyana Anatolyevna Lozhkova is a Doctor of Philology, Professor of Literature and Methods of Teaching Department of the Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg).

Бережное отношение Измаил-бея к ордену — не просто знак его выдающейся храбрости, воинской доблести, проявленной в те времена, когда он сражался в рядах государственной армии. Оно — знак его принадлежности к российскому офицерскому братству, с которым его не разделило враждебное чувство представителя угнетенного империей народа. Отсюда — новый поворот драматической коллизии. Против чего восстает Измаил-бей? Возможно, нам это станет яснее, если мы вспомним героя рылеевской поэмы? Войнаровский до конца не посмел признаться самому себе, что источник его переживаний — разлад с окружающими его людьми, причем, не только с «чужаками»-сибиряками или «властями», но и с родичами, соплеменниками, увидевшими в нем «Иуду». Герой предпочитает твердить о Роке, Судьбе, непостижимых и не подвластных человеческой воле силах, разрушивших его жизнь. Не повторяет ли его ошибки герой Лермонтова, убеждающий себя в том, что пытается воевать с захватчиками, угнетателями? Измаил-бей оказался в трагическом положении человека, чуждого «соплеменникам» и близкого «врагам», в силу неумолимой логики исторических обстоятельств, которую он не хочет принять, и которой бросает гордый, романтический по сути, вызов. Но путь, на который вступил байронический герой в русской поэме, оказался чреват глубочайшей внутренней трагедией разорванного непримиримыми противоречиями сознания.

ЛИТЕРАТУРА

- Лермонтов М. Ю.* Сочинения: В 6 т. — Т. 3. Поэмы, 1828—1834. М.; Л.: АН СССР, 1955. — 328 с.
- Рылеев К. Ф.* Полное собрание стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1971. — 480 с.
- Дуров В. А.* Орден России. М.: Воскресенье, 1993. — 160 с.
- Жирмунский В. М.* Байрон и Пушкин. Л.: Наука, 1968. — 424 с.
- Манн Ю. В.* Русская литература века. Эпоха романтизма. М.: РГГУ, 2007. — 520 с.